УДК 332.01

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Елена В. Курушина[1, @]

[1] *Тюменский индустриальный университет, Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38*
[@] *kurushina.tsogu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: парадигма, пространственная организация территории, ресурсные регионы, горизонтально-отраслевое развитие, вертикально-комплексное развитие.

Аннотация: В статье рассматриваются современные парадигмальные основания, заложенные в Концепции пространственного развития России. В целях исследования процесса смены пространственных парадигм проведен сравнительный анализ ретроспективного и перспективного этапов пространственного освоения территорий в разрезе стратегического видения, характеристик парадигм использования территории и типов пространственного развития. Характеристика горизонтально-отраслевого этапа развития и конъюнктурно-истощительного подхода к использованию территории дана на примере освоения запасов углеводородов. Выделены условия, формирующие стратегическое видение временного освоения территории, включающие влияние природно-геологических факторов, проявление закона убывающей отдачи, ориентацию сугубо на экономические ценности и доминирование отраслевых интересов. Переход к парадигме целостного и комплексного освоения территории рассмотрен в контексте эволюции ценностных ориентаций, составляющих аксиологическую основу концепций развития общества. В качестве рекомендаций указано, что помимо социально-эколого-экономического развития освоение территорий должно оцениваться с позиций критериев инклюзивного развития. Инклюзивность как цель может быть достигнута при организации пространства на основе современных подходов, включая социальный и коммуникационный. Инклюзивность как средство решения региональных проблем предполагает разработку принципов и механизмов участия резидентов и органов власти ресурсных территорий в принятии решений по их использованию.

Для цитирования: Курушина Е. В. Современные парадигмы пространственного развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 117–122. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-117-122.

Концепцией стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года (здесь и далее Концепция СПР) определена смена нынешней парадигмы освоения пространственного ресурса [1]. Переход от ***парадигмы*** *конъюнктурно-истощительного использования территорий* к *комплексному развитию* продиктован не только сложной социально-эколого-экономической ситуацией в проблемных сырьевых регионах России, но и эволюцией ценностных ориентаций мирового сообщества в целом.

Наделенность страны большим пространственным ресурсом и соответствующим природным потенциалом обеспечила ей естественные конкурентные преимущества в минерально-сырьевом и энергетическом секторах экономики. Высокая рентабельность производства, особенно в добыче углеводородов, предопределила характер освоения перспективных территорий. Специализация экономики ресурсных регионов на профильных секторах поставила их в зависимость от жизненного цикла разработки месторождений и конъюнктуры рынка. Разработка месторождений углеводородов имеет ярко выраженный стадийный характер (жизненный цикл месторождений по добыче нефти составляет до 30 лет, при форсированном отборе он сокращается вдвое). В период нарастающей добычи благодаря эффекту масштаба и запаздыванию ввода объектов производственной инфраструктуры рентабельность производства может составлять более 100 % (в газодобыче рентабельность производства на стадии нарастающей добычи при разработке высокодебитных месторождений может доходить до 150 %), но уже через 10 лет после ввода месторождения в разработку начинается стадия падающей добычи. В этот период ухудшаются технико-экономические показатели у недропользователя, что влечет за собой уменьшение налоговых поступлений в бюджеты различных уровней и снижение уровня жизни населения на территории освоения. При коньюнктурно-истощительном подходе жизненный цикл профильного производства фактически определяет период благополучия экономики и социальной сферы региона.

Отраслевые интересы корпораций добывающего сектора, ориентированные в условиях рыночной экономики на финансово-экономическую эффективность, предопределяют режим освоения территорий. Истощение запасов невозобновляемых ресурсов побуждает корпорации переносить центры своей бизнес-активности на новые территории в целях увеличения масштабов деятельности. По мнению исследователей пространственного развития, инвестиционные проекты, реализуемые в ресурсном секторе, направлены прежде всего на увеличение масштабов выпуска [2, с. 192], что способствует продвижению добывающих отраслей в восточные и северные районы страны.

Характеризуя традиционный подход в освоении пространства, В. А. Крюков акцентирует внимание на изменении географии осваиваемых объектов предприятиями

ресурсодобывающих отраслей промышленности в связи с переходом «от одного района добычи к другому, от истощенного объекта к новому» [3, с. 52]. Даже нефтесервисные компании, как отмечает Д. А. Красовский, строят стратегии развития на «расширении своего географического присутствия» [4, с. 27]. Эти стратегии географической экспансии, являющиеся наиболее простым и наименее затратным (развитие компании за счет роста масштаба производства не требует формирования конкурентных преимуществ высшего порядка путем инвестиций в исследования и разработки) для корпорации вариантом стратегии интенсивного (концентрированного) роста, характерны для горизонтального этапа пространственного развития. Как отмечается в Концепции СПР, горизонтальное развитие представляет собой «пространственное расширение», предполагающее распространение совокупных производительных сил страны по ее территории. При размещении новых производственных объектов на региональном пространстве тех или иных субъектов Российской Федерации наблюдается доминирование отраслевых решений и интересов частных инвесторов над интересами развития соответствующих территорий. Это доминирование обусловлено отчасти тем, что «инвестиционные проекты в сфере добычи полезных ископаемых… индуцируют максимальные экономические эффекты в регионе» [2, с. 230]. При этом приоритеты и важные особенности пространственной организации регионов, вовлекаемых в сферу отраслевых интересов, не учитываются должным образом.

Горизонтально-отраслевой этап пространственного развития предполагает экономическое освоение территорий, обладающих значительными естественными преимуществами и специфическими активами природного характера, путем вовлечения в хозяйственный оборот ранее не разрабатываемых месторождений полезных ископаемых и отводов земель. Этот тип развития характеризуется:

• повышением экстенсивного использования пространственного фактора;

• реализацией модели сырьевой экономики на удаленных территориях;

• приоритетом производственных (экономических) интересов над социальными;

• первоочередным строительством «пусковых комплексов», предполагающим запаздывание инфраструктурного освоения территории по отношению к развитию добывающего сектора экономики.

Таким образом, горизонтально-отраслевой тип пространственного развития является составной частью коньюнктурно-истощительного подхода (парадигмы) в использовании территорий. Такое стратегическое видение «*временного*» освоения территории формируется при следующих условиях:

1) ограниченности жизненного цикла производств в силу влияния природно-геологических факторов;

2) проявлении закона убывающей отдачи;

3) ориентации исключительно на ценности экономического развития;

4) доминировании отраслевых интересов на территории.

Новое *стратегическое видение* пространственного развития, предусмотренное Концепцией СПР, предполагает замену «*временного*» освоения территорий на «*фундаментальное, навечное*». Смена парадигмы пространственного развития включает не только изменение горизонта времени планирования развития, но также использование системного подхода, расширение спектра критериев развития, смену режима освоения территории (с «*ресурсного истощения*» на «*трудоемкое преобразование и восстановление*») и типа пространственного развития (таблица 1).

Переход от горизонтально-отраслевого к вертикально-комплексному этапу пространственного развития предполагает следующее.

Таблица 1. Сравнительные характеристики этапов пространственного развития (по Концепции СПР)
Table 1. Comparative characteristics of the stages of spatial development (according to the Concept of the spatial Development Strategy of the Russian Federation)

Характеристика	Этап пространственного развития	
	ретроспективный	перспективный
1. Стратегическое видение освоения территории	временное	навечное
2. Парадигма использования территории	конъюнктурно-истощительная	комплексная
2.1. Системность освоения	фрагментарное	целостное
2.2. Ключевое направление преобразования пространства	поляризация	гармонизация
2.3. Тип ценностно-ориентированного развития	экономический рост	устойчивое развитие
2.4. Критерий эффективности	финансово-экономический	социально-эколого-экономический
2.5. Режим освоения	ресурсное истощение	трудоемкое преобразование, восстановление
3. Тип пространственного развития	горизонтально-отраслевой	вертикально-комплексный
3.1. Доминирование интересов	отраслевых	территориальных

Характеристика	Этап пространственного развития	
	ретроспективный	перспективный
3.2. Тип развития производительных сил	экстенсивный (пространственное расширение)	интенсивный (повышение добавленной стоимости)
3.3. Сектор, определяющий развитие экономики	первичный (природно-ресурсный)	вторичный (переработка сырья)
3.4. Региональная стратегия развития экономики	интенсивный рост профильного сектора	диверсификация экономики, прогрессивная интеграция профильного сектора (углубление переработки сырья, повышение уровней технологических переделов)

1. Преодоление фрагментарности освоения, которое будет заменено на ***комплексное*** *освоение*, восстанавливающее, преобразующее и облагораживающее территорию России практически повсеместно [1]. Этот процесс предполагает смену ментальности на основе эволюции аксиологических аспектов развития, являющуюся закономерным процессом исторического развития общества (и всего мирового сообщества).

Концепция экономического роста, оперирующая исключительно экономическими ценностями (и потому приводящая к истощению ресурсов в результате реализации высокорентабельных проектов добывающих производств) уже к началу 90-х гг. XX в. была заменена на *концепцию человеческого развития*, предполагающую включение социальной составляющей в концепцию развития. Далее, процесс расширения спектра ценностных ориентаций, который во многом был обусловлен накоплением экологических проблем в результате хищнического использования природных богатств и гигантского роста масштабов углеводородной энергетики, привел к формированию *концепции устойчивого развития* [5, с. 61]. Переход к целостному *социально-эколого-экономическому развитию* регионального пространства России составляет основу новой парадигмы использования территорий. Для этого в Концепции СПР обозначены принципы реализации государственной экономической политики. Главный из них – комплексный подход (провозглашенный в качестве новой парадигмы освоения территории), предполагающий: 1) учет геополитических, экономических и социальных факторов; 2) гармонизацию макроэкономической, отраслевой и социальной эффективности деятельности по освоению территорий; 3) обеспечение экологической эффективности реализуемых проектов пространственного развития.

После кризиса 2008–2009 гг. значимость социальных ценностей в оценке развития общества еще больше повысилась. В стратегиях развитых стран и региональных блоков (например в Евросоюзе) триада ценностей устойчивого развития дополнилась еще одной составляющей – ценностями инклюзивного развития, предполагающими равенство возможностей и расширения доступа к социальным благам. Особый интерес в этом контексте представляет исследование инклюзивности в пространственном аспекте. Повышение уровня *инклюзивного развития*, выступающего в качестве цели, может быть достигнуто путем применения современных подходов в организации пространства. Традиционный подход, основанный на *жестком рационализме*, предполагает организацию пространства как «территории для производства» [6]. Переход от жесткого рационализма к *социальному подходу* обусловливает смену целевых ориентиров его организации. Территория предстает в новом функциональном качестве как «среда жизнедеятельности» населения. Современный *коммуникационный подход* в организации пространства расширяет на основе сетевого принципа взаимодействия возможности всех резидентов территории, повышает доступность благ благодаря инфраструктурному развитию.

Другой важный аспект инклюзивности (как средства) связан с формированием новых механизмов решения территориальных проблем. В работе [7, с. 97] инклюзивность рассматривается с позиций вовлеченности акторов в процесс развития, при этом выделяются:

• «общая инклюзивность» как активное участие населения в социально-экономическом развитии;

• «специфическая инклюзивность», предполагающая «значимое участие региональных органов власти в управлении», а местных сообществ – в обсуждении решений по развитию минерально-сырьевых комплексов (*прим. автора:* специфичных активов территории).

К сожалению, объем участия местных органов власти в управлении специфичными активами за последние 15–20 лет постоянно сокращался. По регионам минерально-сырьевой специализации об этом косвенно свидетельствует динамика распределения платежей, связанных с добычей полезных ископаемых. По таблице 2 можно проследить уменьшение динамики доли доходов регионального бюджета, перераспределяемого в пользу федерального бюджета. Таблица составлена на основе Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»; Федерального закона от 08.08.2001 № 126-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных актов законодательства Российской Федерации»; части второй Налогового кодекса Российской Федерации, дополненного главой 26 «Налог на добычу полезных ископаемых» и Федерального закона от 08.08.2001 № 126-ФЗ; Федерального закона от 30.12.2001 № 194-ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год»; Федерального закона от 23.12.2003 № 186-ФЗ «О федеральном бюджете на 2004 год»; Федерального закона от 20.08.2004 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений»; Федерального закона от 22.09.2009 № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Таблица 2. Распределение платежей от добычи углеводородного сырья по бюджетам различных уровней, %
Table 2. Distribution of payments from hydrocarbon production according to various level budgets, %

Бюджеты	1992*	Налог на добычу полезных ископаемых			
		2002	2004	2005	2010
1. Основной порядок					
Федеральный бюджет	40,0	80,0	85,6	95,0	100,0
Бюджет субъекта РФ	30,0	20,0	14,4	5,0	0
Местный бюджет	30,0	0	0	0	0
2. При добыче на территории автономного округа					
Федеральный бюджет	20,0	74,5	81,6	0	0
Бюджет субъекта РФ	20,0	5,5	5,0	0	0
Бюджет округа	30,0	20,0	13,4	0	0
Местный бюджет	30,0	0	0	0	0
Прим.: * – в состав платежей включены: 1) платежи за пользование недрами; 2) отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы; 3) акцизы.					

2. Переход к доминированию территориальных интересов над отраслевыми предполагает усиление ***вертикали*** власти. В Концепции СПР предусмотрена реализация принципа повышения управляемости пространственного развития через формирование надагломерационных структур. При этом в обсуждаемом документе отмечается целесообразность использования механизмов, сформированных на основе сетевого взаимодействия.

По мнению автора, было бы ошибочно воспринимать буквально тезис об усилении вертикали власти, имея в виду распределение полномочий «центр-регион» в пользу центра при освоении территорий. За последние годы, судя по данным таблицы 2, процессы централизации власти проявились достаточно четко. Использование мирового опыта свидетельствует о том, что необходимость сильной власти в рыночной экономике очевидна. Вопрос лишь в том, в каких формах она проявляется. В высокой степени централизации полномочий (либо в практически прямом вмешательстве государства в деятельность компаний с государственным участием) или в сильных институтах? Опыт Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [8, с. 32] свидетельствует о необходимости формирования сильных институтов управления ресурсами и монополиями, контролируемых государством.

Слабость институтов, применяемых в российской практике управления, проявляется, например, в сфере антимонопольного законодательства, поскольку за последний период уровень концентрации капитала в ресурсных отраслях, осваивающих новые территории, значительно повысился. В России концентрация капитала в нефтегазовом секторе экономики по коэффициенту рыночной концентрации составляет более 70 %, что много выше, чем в развитых странах, и этот показатель в динамике возрастает. По оценкам А. Ю. Егорова и А. М. Кичкина, коэффициент рыночной концентрации (CR-3) в нефтегазовой отрасли России в 2008 г. составлял 72,5 %, что характеризует высокую концентрацию капитала в отрасли. В 2010 г. этот показатель составил по тем же оценкам уже 74,2 % [9]. В 2011, 2013 и 2014 годах российские компании нефтегазового сектора экономики продемонстрировали наивысшую активность в сфере слияний и поглощений. Наиболее активно финансировали сделки по приобретению дочерних предприятий Роснефть, Газпром и Лукойл [10, с. 387]. Снижение уровня конкуренции в отрасли исследователи считают одной из главных причин недостаточной инновационной активности компаний. Анализ качества инновационного портфеля крупнейших компаний нефтегазотранспортного сектора экономики, проведенный автором настоящего исследования, показал, что уровень революционности инноваций невысок и составляет в транспорте нефти только 16,7 %. Основная масса мероприятий, предусмотренных Программами инновационного развития, носит эволюционный характер [11]. Приведенные результаты отчасти проливают свет на причины низкой результативности перехода экономики на инновационный тип развития.

При переходе к *вертикально-комплексному* этапу пространственного развития акцент следует сделать не на перераспределении власти в пользу центра, а на перераспределении влияния интересов отрасли и региональных органов власти в пользу последних, отвечающих за социально-экономическое развитие территории. Сложный процесс перехода к новому этапу пространственного освоения должен опираться как на целевые ориентиры, обозначенные в стратегических документах России, так и на опыт международных организаций. Рекомендации ОЭСР [12, с. 32] в отношении управления развитием ресурсных регионов заключаются во внедрении базовых принципов принятия решений. Среди них следует отметить:

1) надежность отчетности результатов принятия решений;

2) взаимосвязь и согласованность между всеми уровнями власти и структурами;

3) прозрачность процесса;

4) инклюзивность принятия решений.

Эти принципы должны стать основой формирования перспективной модели пространственного развития России, основанной на взаимодействии государства, бизнес-сообщества и гражданского общества в рамках нового общественного договора, предусмотренного Концепцией СПР.

Литература

1. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2016. 111 с. Режим доступа: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
2. Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. акад. РАН П. А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 400 с.
3. Крюков В. А. Институциональная система сырьевой территории // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 47–54.
4. Красовский Д. А. Ключевые ошибки в стратегиях позиционирования нефтесервисных компаний // Бурение и нефть. 2016. № 3. С. 26–28.
5. Курушина Е. В. О критериях развития экономики и общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 60–62.
6. Грудинин М. Ю. Подходы к планированию новых городов. Концепт города-интерфейса на Российском Дальнем Востоке // Петербургский международный экономический форум. 16.06.2016. Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/0B3q2U4GLSfdddGZDZEZpN2Z6RU0/view (дата обращения: 15.01.2018).
7. Крюков В. А., Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 93–105.
8. Natural Resources and Pro-Poor Growth. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development. OECD. 2008. Режим доступа: http://www.oecd.org/dac/environment-development/42440224.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
9. Егоров А. Ю., Кичкин А. М. Концентрация производства нефтегазовой продукции как фактор низкой инновационной активности крупнейших компаний отрасли // Транспортное дело России. 2012. № 1. С. 8–12.
10. Семенова А. С., Мезенцева О. Е. Активность российских нефтегазовых компаний в сфере слияний и поглощений // Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2016. С. 383–388.
11. Курушина В. А., Курушина Е. В., Земенков Ю. Д. Качество инновационного портфеля нефтегазотранспортного сектора экономики // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2014. № S4. С. 52–61.
12. The economic significance of natural resources: Key points for reformers in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia. OECD. 2011. 42 p. Режим доступа: http://www.oecd.org/env/outreach/2011_AB_Economic%20significance%20of%20NR%20in%20EECCA_ENG.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

MODERN PARADIGMS OF SPATIAL DEVELOPMENT

***Elena V. Kurushina*[1, @]**

[1] *Industrial University of Tyumen, 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000*
[@] *kurushina.tsogu@yandex.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: paradigm, spatial organization of territory, resource regions, opportunistic-exhaustive development, vertically-integrated development.

Abstract: The paper is focused on the paradigmatic basis incorporated in the Concept of the Spatial Development of Russia. In order to investigate the process of changing the spatial paradigms, the author performs a comparative analysis of the retrospective and perspective stages of spatial development from the standpoint of strategic vision, characteristics of paradigms of the territorial use and types of spatial development. Characteristics of the horizontal-branch stage of development and those of the opportunistic-exhaustive approach to the use of territories are presented as exemplified by hydrocarbon resource development. The author defines the conditions that make it possible to form the strategic vision of the temporal development of a territory, i.e. influence of natural-geologic factors, manifestation of the law of diminishing returns, a strict orientation on economic values and the dominance of sectoral interests. Transition towards the paradigm of holistic and integrated development of territories is considered in the context of the evolution of value orientations, which constitute the axiological basis for social development concepts. Recommendations based on the current research include assessment of the territorial development using the inclusive growth criteria, apart from social, ecological and economic development criteria. As a goal, inclusiveness can be achieved by spatial organization based on the modern approaches, including social and communication ones. As a mean to solve regional problems, inclusiveness implies development of principles and mechanisms for residents and authorities of the resource territories to participate in decision-making regarding the territorial use.

For citation: Kurushina E. V. Sovremennye paradigmy prostranstvennogo razvitiia [Modern Paradigms of Spatial Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 117–122. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-117-122.

References

1. *Kontseptsiia Strategii prostranstvennogo razviviia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda* [The concept of the spatial development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030]. Moscow, 2016, 111. Available at: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (accessed 15.01.2018).

2. *Ekonomika regionov. Gabarovskii Krai* [Economy of regions. Khabarovsk Krai]. Ed. Minakir P. A. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2014, 400.

3. Kriukov V. A. Instotutsional'naia sistema syrievoi territorii [Institutional System of the Resource-Based Territory]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory,* no. 3 (2017): 47–54.

4. Krasovskiy D. A. Kliuchevye oshibki v strategiiakh pozitsionirovaniia nefteservisnykh kompanii [Key errors in the positioning strategies of oilfield services companies]. *Burenie i Neft' = Drilling and Oil,* no. 3 (2016): 26–28.

5. Kurushina E. V. O kriteriiakh razvitiia ekonomiki i obshchestva [Criteria for the development of economy and society]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, no. 21 (2015): 60–62.

6. Grudinin M. Iu. Podkhody k planirovaniiu novykh gorodov. Kontsept goroda-interfeisa na Rossiiskom Dal'nem Vostoke [Approaches to the planning of new cities. The concept of the city interface in the Russian far East]. *Peterburgskii mezhdunarodnyi ekonomicheskii forum* [Petersburg International Economic Forum]. 16.06.2016. Available at: https://drive.google.com/file/d/0B3q2U4GLSfdddGZDZEZpN2Z6RU0/view (accessed 15.01.2018).

7. Kriukov V. A., Sevast'ianova A. E, Tokarev A. N, Shmat V. V. Sovremennyi podkhod k razrabotke i vyboru strategicheskikh al'ternativ razvitiia resursnykh regionov [A modern approach to the development and choice of strategic alternatives of development of the resource regions]. *Ekonomika Regiona = Regional Economy*, no. 1 (2017): 93–105.

8. *Natural Resources and Pro-Poor Growth*. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development. OECD. 2008. Available at: http://www.oecd.org/dac/environment-development/42440224.pdf (accessed 15.01.2018).

9. Egorov A. Iu., Kichkin A. M. Kontsentratsiia proizvodstva neftegazovoi produktsii kak faktor nizkoi innovatsionnoi aktivnosti krupneishikh kompanii otrasli [The concentration of production of oil and gas production as a factor of low innovation activity of the largest companies in the industry]. *Transportnoe delo Rossii = The Transport Business of Russia*, no. 1 (2012): 8–12.

10. Semenova A. S., Mezentseva O. E. Aktivnost' rossiiskikh neftegazovykh kompanii v sfere sliianii i pogloshchenii [The activity of the Russian oil and gas companies in mergers and acquisitions]. *Problemy formirovaniia edinogo prostranstva ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia stran SNG: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of formation of common space of economic and social development of the CIS countries: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Tyumen, 2016, 383–388.

11. Kurushina V. A., Kurushina E. V., Zemenkov Y. D. Kachestvo innovatsionnogo portfelia neftegazotransportnogo sektora ekonomiki [Quality innovation portfolio of the oil-gas-transport sector of economy]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal) = Mining information-analytical Bulletin (scientific and technical journal),* no. S4 (2014): 52–61.

12. *The economic significance of natural resources: Key points for reformers in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia*. OECD. 2011, 42. Available at: http://www.oecd.org/env/ outreach/2011_AB_Economic%20significance%20of%20NR%20in%20EECCA_ENG.pdf (accessed 15.01.2018).